

Каждый, кто переступал порог, был гостем. Хоть Его высочество Сяо-ван появлялся здесь без приглашения, без одежды, не желая рассуждать о Дао и вечно пытаясь спровадить всех друзей Лю Сяньаня в мирские передряги — Второй молодой господин Лю всё же не считал его опасным. Более того, он даже находил нынешнюю ситуацию приемлемой. Ведь если князь не купался, то непременно носился бы с мечом, сея хаос вокруг, а то и вовсе кого-нибудь побил. Так что лучше уж купаться.

— Чему ты ухмыляешься? — спросил Лян Шу.

Во сне можно позволить себе больше вольностей. Лю Сяньань, сидя на берегу скрестив ноги и подперев голову руками, ответил:

— Улыбаюсь тому, что князь опять без одежды.

Лян Шу не смутился. Подняв серебряную чашу с вином, он отпил и произнёс:

— Все цветы и деревья в Трёх Тысячах Путей созданы твоим духом. На востоке — башни, где можно ловить звёзды и обнимать луну. На западе — корабли с крыльями, что летают с Кунем[1]. А стеклянный дворец на вершине Тайханшань и вовсе прекраснее покоев императора. Десять солнц восходят разом, озаряя мир. Раз уж Второй молодой господин Лю может воссоздать всё из древних книг без труда — почему бы не подарить своему гостю хоть тряпицу?

Лю Сяньань почувствовал, как эти слова точно пронзили его сердце.

Лян Шу смотрел на него с улыбкой. В реальности Его высочество Сяо-ван улыбался так редко — без тени насмешки или жестокости. Просто улыбался, словно наконец расслабившись в этом прекрасном мире.

— Осталось вино? — спросил он.

Лю Сяньань встал:

— Есть ещё один кувшин. Спрятал давно.

По пути к погребу он напряжённо думал: «Одежду, надо одеть его». Он думал об этом, пока нёс кувшин, и всё ещё размышлял, подходя к водопаду. Но прежде чем он успел что-либо предпринять — мир вокруг содрогнулся.

Не к добру! Лю Сяньань ускорился, желая успеть передать вино Лян Шу до пробуждения. Однако А-Нин перекрыл все его планы, рывкнув прямо в ухо:

— МО-ЛО-ДОЙ-ГО-СПО-ДИН! ПО-РА-ВСТА-ВАТЬ!

Голос ворвался в сон, как тайфун, разметав все образы. Осколки мира разлетелись, словно тысячи бабочек.

В итоге Его высочество Сяо-ван так и не попробовал того вина.

А-Нин стащил его с кровати:

— Уже почти полдень.

Лю Сяньань, с взъерошенными волосами, уселся на постели и отказывался двигаться. Спустя долгий вздох он попытался снова рухнуть на подушку, но А-Нин был начеку и крепко ухватил его за плечи:

— Молодой господин не может больше путешествовать в мыслях! Больные выстроились в очередь, все уже полчаса как закончили купаться!

Второй молодой господин Лю теперь не мог слышать слово «купаться» без головной боли. Он кое-как встал, сунул ноги в мягкие туфли и всё ещё выглядел сонным. Пока А-Нин хлопотал вокруг, он хрипло спросил:

— Покажи мне ту книгу о толковании снов, что ты читал.

— Я не брал её с собой, она дома, — А-Нин выжал полотенце. — Вам что-то приснилось?

— Если мне постоянно снится один и тот же человек в воде... что это значит?

— А? — А-Нин тоже счёл этот сон странным, но в книге такого не было. — Может, молодой господин очень хочет увидеть, как он купается? Днём думает — ночью снится. А кто этот человек? Я его знаю?

— Его высочество Сяо-ван, — тихо ответил Лю Сяньань.

Руки А-Нина дрогнули, и он едва не уронил таз.

— Я... хочу на него смотреть?

— Конечно нет! — А-Нин решительно замотал головой. — Сегодня перед сном я приготовлю успокоительный отвар.

Раньше в деревне Сяо Хун тоже всё время видела во сне духов, но этот отвар помогал. Должен сработать и против Его высочества Сяо-вана!

Умывшись, Лю Сяньань принялся за завтрак — свежие пирожки с красной фасолью, доставленные на гору. Всё больше людей, излечившись, возвращались домой, а слава о Чудо-докторе Лю росла. Хоть в Чисячэне сейчас и не густо, жители каждый день приносили кто миску риса, кто горшок мёда — никогда не повторяясь.

— Я отнёс еду и тому, кто лежит рядом, — сообщил А-Нин. — Ему уже лучше, хотя бы встаёт.

Тот, кто «лежал рядом», был доктор Сан Яньнянь. Вид трупа Ду Цзина напугал его до ночных кошмаров и рвоты. По словам местных, он был «как женщина, носящая дитя демона». Поначалу А-Нин не хотел с ним возиться, но потом сжалился и приготовил успокоительные отвары.

Лю Сяньань не понимал, как врач может бояться трупов, и понимать не хотел. Позавтракав, он снова принялся за пациентов. Люди аккуратно выстроились на площадке, болтая и греясь на солнце — полный порядок.

Таохуа тоже была здесь. Гу из неё уже извлекли, но из-за юного возраста Лю Сяньань велел ей пожить на горе подольше. Родители девочки, благодарные чудо-доктору, охотно согласились и сами помогали, когда могли. Резвясь среди толпы, Таохуа случайно налетела на кого-то.

— Ой! —отскочила она.

— Осторожней, — кто-то подхватил её.

Оглядевшись, Таохуа узнала доктора Сан Яньняня — того самого, что когда-то давал ей лекарство в городе.

— Доктор Сан, — улыбнулась она, — Вы выздоровели?

— Да, — покраснел Сан Яньнянь. — Все знают, что я болел?

— Конечно! — кивнула Таохуа. — Все только об этом и говорят.

— И... что именно? — начал было Сан Яньнянь, но тут же махнул рукой. — Иди играй, а я пойду посмотрю.

Он поправил одежду и направился к площадке. На людях над ним смеяться не станут — все знали, что доктор Сан обидчив и злопамятен. Поэтому встретили его вежливо:

— Доктор Сан пришёл!

Тот робко пристроился рядом с Лю Сяньанем:

— Я... помочь пришёл.

— Садитесь, — предложил Лю Сяньань. — Понаблюдайте, как я извлекаю гу, потом объясню.

Сан Яньнянь закивал:

— Хорошо.

В этот раз я обязательно восстановлю свою репутацию! — поклялся он про себя.

Мать Таохуа прислала новую корзину рисовых пирожков в форме кроликов, украшенных красными точками — символами сливовых цветов. Каждый выглядел восхитительно, женщина наказала чудо-доктору есть больше, чтобы «укрепить селезёнку и желудок».

Чэн Суюэ, проверив пирожки на яды, уже собиралась отправить их в горы, но по пути её перехватил Его высочество Сяо-ван. Пока она седлала коня, девушка спросила:

— Почему князь так часто ездит на гору Дакань в последнее время?

— Потому что пейзажи прекрасны, — ответил Лян Шу.

Чэн Суюэ не поняла. Обычная зелёная гора — да, летом цветы повсюду, но так выглядели восемь гор из десяти. Что в ней особенного? Она заметила, что даже Сюань Цзяо запомнил дорогу — на развилке конь сам поворачивал голову и мчался, словно ураган, без малейших колебаний.

И сейчас было так же. Чэн Суюэ ещё не закончила возиться с седлом, а конь уже топтался на месте, фыркая и тряся гривой. «Нетерпение» читалось в каждом его движении — он даже обрызгал девушку слюной.

— Бессовестный! — со смехом отругала она, хлопнув коня по крупу. — У тебя что, жена в горах? С чего такая спешка?

Обернувшись, она встретила взгляд князя — тот едва улыбался. Холод пробежал по спине, и мурашки покрыли её кожу.

Она замерла, не смея пошевелиться.

Лян Шу забрал у неё коробку с пирожками.

— Десять дней жалованья вычту.

— А?! — ахнула Чэн Сююэ. — В следующий раз не буду ругаться, ладно?

— Без вариантов, — Лян Шу вскочил в седло. — Так ты запомнишь, что болтать лишнее — себе дороже.

— Но... — проворчала девушка, провожая взглядом удаляющегося Сюань Цзяо, — я ведь не ошиблась.

Жены на той горе действительно не было!

Рыжая кобылка Второго молодого господина Лю в последнее время ходила не в духе — А-Нин посадил её на диету, лишив лакомств. Жуя безвкусное сено в стойле, она даже не шевельнула ухом, услышав ржание Сюань Цзяо вдали.

Лю Сяньань тоже услышал этот звук. Потянувшись, он велел очереди пациентов разойтись поесть и вернуться после полудня. Войдя в дом, он сразу заметил на столе коробку с пирожками. Помыв руки, он открыл её — внутри сидели ушастые рисовые кролики.

Лян Шу вошёл вслед за ним, неся кувшин вина с густым ароматом и красной печатью.

— В городе свадьба? — удивился Лю Сяньань.

— Кто бы женился в такое время? — фыркнул Лян Шу. — Это дочернее вино[2], что Ши Ханьхай закопал под деревом. Часть забрала племянница на свадьбу, остальное — вот.

— А-а, Ньюэр Хун, — Лю Сяньань налил маленькую чашку. — За счастье.

Лян Шу нахмурился:

— Почему голос такой хриплый?

— Всё утро объяснял, — отхлебнув вина, ответил Лю Сяньань. — А-Нин вылечил Сан Яньняня от панических атак. Тот вызвался помочь, и я позволил ему посидеть рядом, пока рассказывал, как правильно извлекать гу.

— Он что-то понял?

— Нет, — покачал головой Лю Сяньань. — Не спрашивал, но по выражению лица — ни полслова.

Лян Шу мысленно вздохнул и налил себе вина.

Съев пару пирожков, Лю Сяньань наконец вспомнил вчерашний сон.

— О чём задумался? — спросил Лян Шу.

— А? — Лю Сяньань вздрогнул. — Ни о чём.

— Не похоже.

— Серьёзно!

Хотя кое-что всё же было.

Подумав, он взял ещё один пирожок и как бы невзначай сказал:

— У меня есть друг.

Лян Шу усмехнулся:

— Хорошо, есть друг. И что с ним?

— Он постоянно моется, подолгу, — продолжил Лю Сяньань. — Как думает князь, в чём причина?

Лян Шу взглянул на чашу:

— Возможно, чувствует, что на нём слишком много грехов и крови — вот и пытается смыть.

Такого ответа Лю Сяньань не ожидал.

— Разве не так? — Лян Шу поднял глаза. — Хотя... если человек считает себя чистым, зачем ему мыться без конца?

Лю Сяньань промолчал.

Через некоторое время Лян Шу вдруг протянул руку и, словно стуча в дверь, трижды постучал пальцем по его лбу.

— Что это? — удивился Лю Сяньань.

— Передай своему другу: хватит купаться. То, что не смывается, — лишь обуза. Пусть лучше выпьет с нами.

— Откуда князь знает... — начал Лю Сяньань, но тут же осёкся.

Он хотел спросить, как Лян Шу догадался, что речь о «друге из Дао», но вспомнил — в реальности у него нет друзей.

Лян Шу улыбнулся:

— Ну что, вышел?

Второй молодой господин Лю в Трёх Тысячах Путей закрыл глаза, вытащил Его мокрое высочество Сяо-вана из воды и накинул на него широкий халат.

— Вышел.

Не только вышел, но и получил кувшин Ньюэр Хун и сладкого рисового кролика. Приём был очень радушным.

Лян Шу поднял чашу:

— Тогда выпьем за него.

Лю Сяньань последовал его примеру.

Так они выпили — двое в реальности и один в мире снов. Правда, Второму молодому господину Лю пришлось труднее всего — ему приходилось работать за двоих.

Кувшин скоро опустел, и А-Нин уже звал снаружи — пациенты снова выстроились в очередь.

— Иди, — Лян Шу поднялся. — Если будет время, спроси у своего друга, какое вино он любит. В следующий раз привезу.

— Хорошо, — кивнул Лю Сяньань.

Проводив князя взглядом, он услышал вопрос А-Нина:

— Молодой господин, о чём вы с князем говорили? Вы оба выглядели такими радостными.

— Да ни о чём, —махнул рукой Лю Сяньань.

— Но вы улыбаетесь вот так, — указал А-Нин.

— О, и правда, — Лю Сяньань прислонился к косяку. — Просто... впервые кто-то выпил за моего друга.

Хотя, если разобраться, Его высочество Сяо-ван пил за него самого, но разве это важно? Главное — он согласился.

А-Нин тут же вызвался:

— Тогда в следующий раз я выпью с другом молодого господина!

Лю Сяньань ущипнул его за щёку:

— Почему раньше не предлагал?

А-Нин был озадачен. Кто бы мог подумать, что бессмертные мудрецы тоже любят выпить? Мир становился всё сложнее, и через двадцать лет и вовсе непонятно, во что превратится.

Ох, голова кругом...

Лю Сяньань, в хорошем настроении, потрепал его по голове:

— Ладно, за работу.

— Ай! — А-Нин взвалил на спину коробку с лекарствами. — Только, молодой господин, постарайтесь меньше говорить. Голос совсем сел. Всё равно доктор Сан ничего не понял — даже больные смеялись над ним.

— Буду объяснять, — Лю Сяньань покачал головой. — Желание учиться — это хорошо.

Однако, выйдя во двор, он не нашёл Сан Яньняня на месте.

Ну и ладно, подумал он. В конце концов, этот врач не играл большой роли. Заварив себе чай из семян стеркулии, Лю Сяньань продолжил извлекать гу. Таохуа тем временем раздавала пирожки пациентам. Когда очередь дошла до последней женщины, та прижала девочку к себе:

— Что-то ты сегодня вялая.

— Голова кружится, — прошептала Таохуа.

— Ой, да это же тепловой удар! — женщина вытерла ей лоб. — Говорила же — не бегай под солнцем! Иди в прохладу отдохни.

— Ладно, в следующий раз буду осторожнее, — смутилась Таохуа.

— «В следующий раз», — фыркнула тётка. — Знаю я тебя! Иди в комнату, полежи. Как подойдёт моя очередь — попрошу А-Нина приготовить жаропонижающее.

Таохуа послушно побрела к дому. По пути она наткнулась на Сан Яньняня — тот сидел у тропы, уставившись в пустоту.

— Доктор Сан, — позвала она. — Что вы тут делаете?

— Здесь прохладно, — он поманил её. — Лицо какое-то жёлтое, заболела?

— Тётя Хуа сказала — тепловой удар, велела отлежаться.

— Дай-ка посмотрю, — предложил Сан Яньнянь. — Это несерьёзно, пара лекарств — и всё пройдёт.

Таохуа протянула ему запястье.

Почувствовав пульс, Сан Яньнянь нахмурился. Это не было похоже на обычный перегрев.

Он потратил все свои знания, выпрашивая симптомы, и наконец заключил: «Флегма застоялась в лёгких, нарушив циркуляцию ци и крови». Облегчённо вздохнув, он велел Таохуа отдыхать, а сам отправился за травами.

Пока варил отвар, он ворчал:

Кто вообще эти гу выдумал? Настоящие врачи лечат нормальные болезни!

Приготовив снадобье, он лично отнёс его Таохуа.

Лю Сяньань и А-Нин, занятые у дома, ничего не знали о происходящем. Когда очередь тётки Хуа подошла, уже смеркалось.

— У Таохуа тепловой удар? — Лю Сяньань протянул А-Нину мешочек. — Сходи, проверь её. Осталась только тётя — я сам справлюсь.

— Хорошо, — А-Нин снял фартук. — Заодно вскипячу воды — вернётесь, руки распарите.

Во внутреннем дворе было тихо — большинство пациентов уже разъехалось, да и ужин как раз начался.

Постучав и не получив ответа, А-Нин осторожно приоткрыл дверь:

— Таохуа, спишь?

На кровати не было ни движения, ни звука.

— Таохуа?

Внезапно его охватило странное чувство — в этой тёмной комнате что-то было не так.

— ТАОХУА!

...

У подножия горы Лян Шу выпытывал у Ши Ханьхая, где спрятано хорошее вино.

Бедный Ши-дажэнь был готов заплакать. Дело не в жадности — вина действительно не осталось. Даже если начать варить сейчас, разве оно созреет раньше, чем через год?

— Но этому господину нужно угощать гостя, — протянул Его высочество Сяо-ван.

Ши Ханьхай слышал эту фразу уже десятки раз. Может, меня самого сварить для вашего гостя? — подумал он.

В этот момент ворвалась Чэн Сюэ.

— Ваша светлость, Ши-дажэнь, — она понизила голос. — На горе что-то случилось.

[1] Кунь — мифическая гигантская рыба из китайской мифологии, способная превращаться в птицу Пэн.

[2] Ньюэр Хун («Дочернее вино») — традиционное китайское вино, которое закапывают при рождении дочери и выкапывают на её свадьбу.

<http://bllate.org/book/14628/1297860>